

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 2. С. 149–154.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 149–154.

Рецензия на книгу
УДК 1(470)''19'':130.2(045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V508

Витязь на распутье: русская философия между логосом и праксисом

Рецензия на книгу: Сюдюков Н.К. Русская философия в 7 сюжетах. «Немота наших лиц». М.: АСТ, 2025. 320 с. ISBN: 978-5-17-171167-2

Олег Константинович Шевченко¹✉
Александр Михайлович Тимохин²

^{1,2} Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия,

¹e-mail: skilur80@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1362-2875>

²e-mail: philosecon@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7920-2486>

Аннотация. Рецензия посвящена анализу книги Никиты Кирилловича Сюдюкова «Русская философия в 7 сюжетах. “Немота наших лиц”», представляющей собой попытку реконструкции ключевых направлений русской интеллектуальной традиции XIX – начала XX века. В отличие от распространенных в историографии подходов, трактующих русскую мысль либо как периферийный вариант западноевропейской философии, либо как выражение мессианско-утопического сознания, Сюдюков акцентирует внимание на выявлении самобытности русской философии. Его подход к определению специфики русской философии характеризуется нацеленностью на обнажение дилемм, требующих от мыслителей интеллектуального и экзистенциального выбора. Книга Сюдюкова вносит значимый вклад в современную историографию русской философии.

Ключевые слова: русская философия, русский мир, русская цивилизация, православная культура, софиология, русский логос

Для цитирования: Шевченко, О. К. Витязь на распутье: русская философия между логосом и праксисом / О. К. Шевченко, А. М. Тимохин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2026. – Т. 26, № 2. – С. 149-154. – DOI 10.37482/2687-1505-V508.

Book review

A Knight at the Crossroads: Russian Philosophy Between Logos and Praxis

Review of the book: Syundyukov N.K. *Russian Philosophy in 7 Plots: “The Muteness of Our Faces”*. Moscow, 2025. 320 p. ISBN 978-5-17-171167-2 (in Russ.).

Oleg K. Shevchenko¹✉

Aleksandr M. Timokhin²

^{1,2}V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia,

¹e-mail: skilur80@mail.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1362-2875>

²e-mail: philosecon@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7920-2486>

Abstract. The review examines N.K. Syundyukov’s book *Russian Philosophy in 7 Plots: “The Muteness of Our Faces”*, which is an attempt to reconstruct the key schools of thought in the Russian intellectual tradition of the 19th and early 20th centuries. In contrast to the prevailing historiographical approaches that interpret the Russian thought either as a peripheral variant of Western European philosophy or as an expression of messianic utopian consciousness, Syundyukov emphasizes the distinctiveness of the Russian philosophical tradition. Trying to determine the specific features of Russian philosophy, he focuses on identifying the dilemmas that require intellectual and existential choices from the thinkers. Syundyukov’s book constitutes a significant contribution to the contemporary historiography of Russian philosophy.

Keywords: *Russian philosophy, Russian world, Russian civilization, Orthodox culture, sophiology, Russian logos*

For citation: Shevchenko O.K., Timokhin A.M. A Knight at the Crossroads: Russian Philosophy Between Logos and Praxis. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 49–154. DOI: 10.37482/2687-1505-V508

Мераб Константинович Мамардашвили дал нарочито образное описание философии: она «есть парадоксальное мышление просто потому, что нужно держать вместе расходящиеся рога – человек распят между своей бесконечностью, основания которой задаются только символами, и натурой» [1, с. 32]. А рога вещь упрямая, попробуй свести их концы вместе, не вырвав из предустановленного места. То есть, сводя рога, необходимо сгибать их, а не кромсать реальность.

Прошедший 2025 год стал очень показательным для отечественной философии, которая продемонстрировала очередной всплеск интереса к переживанию собственного исторического опыта [2; 3]. Часто можно встретить научно-популярные издания явно имеющие коммерческий успех [4–6]. Но все они так или

иначе показывают, что за занавесом истории философии разыгрывается исполненная драматизма дилемма: как соотносить чистый, прозрачный воздух абсолютного философского логоса с погрязшим в крови и страданиях земной юдоли праксисом. Должна ли философия безмятежно, не марая подол своего совершенного хитона, парить в течениях чистых категорий или все-таки она не может называться философией, если не марает руки в повседневности, которую переживает Отечество? Или, в риторике образов Мамардашвили: как свести вместе метафизические рога тотального символизма и сугубой плоти натурализма, предлагая идеал русского философского делания? В целом русская философия носит не проблемный, а «дилеммный» характер. Как это тонко подметил Ф.Ч. Коплстон в 10-м томе «Истории философии», посвященном Рос-

сии: «особенность, с которой заимствованные философские идеи получали социальное и политическое применение, прежде всего в связи с российскими условиями, хотя зачастую они рассматривались и в гораздо более широкой перспективе» [7, с. 1]. Поиск в русской философии не проблемы, требующей решения, а именно дилеммы, вынуждающей сделать выбор, становится широко распространенным подходом в историко-философских изысканиях [8, с. 21–22]. Такой подход выглядит гораздо более убедительным, чем попытки редуцировать многообразие отечественной мысли к какой-то одной теме [9, с. 4].

В полной мере демонстрация многочисленных дилемм, породивших русскую философию и ею порожденных, составляет лейтмотив рецензируемой нами книги [10]. Она, конечно же, не является солидным трактатом, но и назвать ее сборником научно-популярных очерков никак нельзя. Книга, безусловно, совсем не академична, точно также как не академичны, но крайне серьезны эссе А. Камю, очерки В. Эрн или философская проза Ф. Ницше. Текст не представляет собой законченный, совершенный монолит, но это и не распадающиеся фрагменты мозаики, а скорее следующие одна за другой ленты старинного синемаатографа. Когда заканчивается лента, в зале зажигается свет, оператор вставляет новую ленту и показ одного из первых синема в респектабельном салоне продолжается почти с того же самого места.

Значительную часть книги автор посвящает вопросу о существовании и формах бытия русской философии [10, с. 13–18; 19–58]. На этих страницах читатель ознакомится с очень интересной аналитикой тезисов как сторонников суверенного бытия русской философии, так и апологетов всего лишь существования философии в России. Автор в своих рассуждениях не чурается метафор: «В идеале философская речь должна быть приближена к Божественной речи» [10, с. 46]. Но все они строго дозированы и служат не аргументами, а поэтическим итогом стальных цепей последовательной аргументации по законам самой наистрожайшей логики. Автор при-

ходит к выводу, что существует самобытная русская философия, но в уникальной, необычной форме ничтожности, где основная практика – это кенозис, а наиглавнейшая страдательная мысль – связка правды (не путать с суховато-ледяной сугубо логической истиной) и красоты.

Начало особенной русской философии Н.К. Сяндюков полагает в философии Н.Я. Чаадаева [10, с. 59–104]. Чаадаев – провокатор, заставивший самые широкие массы русских читателей именно жаждать прочитать философские книги, философскую аргументацию, а не просто оценить блеск античной философии в монашеской келье, собрать кружок молодых интеллектуалов и обмениваться мнениями о Шеллинге или зубрить латинские формулы Декарта. Чаадаев создал массового читателя философских книг, и с тех пор читающая часть русской нации была обречена на философскую жизнь и прежде всего как явление литературы, а не лекционных курсов. Яркой фигурой в этом смысле становится Ф.М. Достоевский, которому автор посвящает отдельный сюжет, что и не удивительно, т. к. Сяндюков является одним из экспертов по творчеству Федора Михайловича [11]. Основная идея сюжета – прописать траекторию заземления философии Достоевским, где материал для размышлений вместо философских трактатов дает газетная уголовная хроника [10, с. 59–104], а философское делание есть работа неевклидова разума, которую автор показывает, анализируя ментальность братьев Карамазовых.

Четвертый сюжет книги посвящен поиску единения логоса и праксиса в философском творчестве Владимира Соловьева [10, с. 143–187]. В этой главе есть несколько интересных замечаний, позволяющих открыть интереснейшую дискуссию: действительно ли «Соловьев – наследник Чаадаева» [10, с. 147], правда ли, что образ сходящего с ума Ивана Карамазова был списан Достоевским с Владимира Соловьева [10, с. 158–159]. Но целый ряд высказываний удивляет – например, наблюдается некоторая путанность позиции: автор утверждает, что русская философия началась то с Чаадаева [10, с. 47],

то с Соловьева [10, с. 144]. Тезис о сверхцерковном мышлении русской философии [10, с. 149] заслуживает гораздо более развернутого пояснения. Как его понимать? Как сверхцерковное может не быть и антицерковным. Если говорить с атеистических позиций, все ясно: русские философы шли дальше, чем могло себе позволить цензурированное мышление церкви как социальной структуры. А если все-таки смотреть с позиций религиозно-философских, где Церковь есть истина и единственный путь к ее всеобъемлющему обретению в Христе? Тогда всякая «сверхцерковность» смертного философа есть именно, что антицерковность и в конечном итоге антихристианство. Вопросы тонкие, сложные и требующие от автора, их затрагивающего, обстоятельного разъяснения читателю. То же касается очень пафосной фразы: «православный идеал воскресения говорит о том, что человек уже стал богом...» [10, с. 183]. Неужели есть во Вселенских соборах догмат, что человек уже стал Богом? Что он вообще станет Богом? В тексте «Бог» с маленькой буквы, значит каким-то особенным богом за пределами Святой троицы? Вопросы идут каскадом, и не все из них работают на авторитет автора книги. Очевидно, что соловьевский материал в очередной раз вводит русского философа в опасные искушения лабиринтов мысли, что в полной мере проявляется в идее софийности и ее сомнительной ортодоксальности. Поиск сочетания логоса и праксиса превращает русского витязя от философии Соловьева в некоего играющего фрилансера, танцора на краю времен перед пришествием антихриста, что Сюдюков с присущей ему элегантностью и описывает на заключительных страницах данного сюжета.

Совершенно логично, что следующий, пятый, сюжет носит устрашающее название «Апокалипсис Серебряного века» [10, с. 187–233]. В нем точкой соприкосновения бездушного разума и безумного сердца становится квадрат смыслов: «История, Церковь, человек, пол» [10, с. 188]. Это одна из самых сильных частей всей книги. В ней беспощадно разоблачаются шокирующие практики, бытовавшие среди

философско-литературной богемы того времени, акцентируется внимание на схлестывании в диспутах космистов, православных иерархов, каких-то совершенно неоязыческих доктрин, прикрывающихся авторитетным словом «философия». Мы бы добавили в эту главу деятельность Т. Блаватской, Н. Рериха, так картина получилась бы более полная. Чудовищным по своей смелости представляется итог данной части книги: «в роли Христа... может выступить все человечество или, вернее, богочеловечество, которое должно идти к миру, к природе и космосу не через вражду, а через созидание универсума – и себя в нем» [10, с. 232]. В этой фразе Христос ликвидирован, абсолютный Царь, который есть альфа и омега, личность в конце концов, размазан по всему человечеству, которое идет к космосу и само созидает себя, ну зачем в такой концепции какие-то мистические образы Святой Троицы? Удивительно ли, что в столь густом замесе из мистики без православия, русского религиозного порыва без Христа, блестящих философских пассажей без самоумаления и самоуничужения не могло родиться ничего, что составило бы конкуренцию сугубо земному марксизму, который по-своему решил дилемму единства метафизических рогов: логоса и праксиса? Но увы, автор книги не говорит об этом ни слова.

Вместо этого Сюдюков обращается к русскому экзистенциализму [10, с. 233–268] и софиологии [10, с. 269–268]. И снова с каждой страницы на читателя буквально сыплются очень меткие, яркие высказывания, которые должны были бы стать темой большой и серьезной статьи в солидный журнал, а может даже лечь в основу авторской монографии, приведем лишь два из них: «пантеизм... соблазн красотой» [10, с. 294], «любовь во многом тождественна познанию» [10, с. 307]. Однако есть моменты, с которыми просто невозможно согласиться и которые вызывают сомнения в тщательности проработки автором тех сюжетов, о которых он пишет: «Бог не различает прошлое, настоящее и будущее, для Него все вечно настоящее» [10, с. 283], означает ли это, что человек

шире, глубже в онтологическом смысле чем Бог? Только человеку доступно все многообразие понимания времени? Не слишком ли это поспешное замечание? Да, красивое, изысканно сформулированное, прекрасно вписанное в логику изложения, но какие выводы из него истекают, подумал ли автор об этом? Некоторые высказывания, как нам представляется, написанные скорее стилистом, превосходным художником слова, нежели религиозным философом, также видятся очень и очень сомнительными: «творя мир, Бог творит себе онтологического конкурента» [10, с. 290]. Право слово, обращаясь с позиций не холодной логики гегелевской энциклопедии, а человека религиозно-философского склада ума, как это следует из книги, нужно быть очень осторожным и в онтологических выводах о бытии Бога, и уж тем более о его намерениях. Как минимум, стоило бы доказать свою мысль ссылками на авторитетные источники, а то и посвятить этому интересному вопросу (а не утверждению) целую главу.

Представляется, что автор был слишком захвачен софиологичным материалом, который считает вершиной русской философии [10, с. 272]. А почему, кстати, не марксизм-ленинизм, почему не, например, философию человека Фролова? Отчего считает автор, что все, написанное после 1922 года, это отголоски философии, ее постклассика [10, с. 144], чем ему не по вкусу философия Э. Ильенкова или А. Зиновьева?

Конечно, открывая книгу, мы хотим узнать мнение автора, и он как суверен имеет абсолютное право проповедовать собственную доктрину, но читателю ведь любопытно, почему это так, а не иначе, в чем преимущество данного прочтения русской философской мысли по сравнению с остальными? В чем ее иерархичная вершина в слиянии логоса и праксиса, русского философского делания, в конце концов. Ответа нет.

Книга по праву должна заинтересовать многих, поскольку всем, кто стремится к пониманию России сегодня «остро необходимы новые подходы к истории и характеру русской философии» [12, с. 4]. Восхитительный стиль, тонкая ирония, мастерские портреты, изысканные лабиринты рассуждений, блистательные метафоры и чеканные концовки сюжетов – бонус для читателя. Работа Никиты Кирилловича Сюдюкова – положительно яркий прорыв в историко-философском жанре, который, как утренняя звезда, предвосхищает яростный и блистательный рассвет. Но утренняя звезда может стать звездой вечерней, если автор не сможет преодолеть присущие каждому из нас философские болезни, на которые было указано выше, и тогда свет рецензируемой книги может символизировать не рассвет, а закат. Однако будущее в руках самого автора, а мы с нетерпением будем ждать его новых книг.

Список литературы

1. Мамардашвили М.К. Опыт физической метафизики: (Вильнюсские лекции по социальной философии). М.: Прогресс Традиция: Фонд Мераба Мамардашвили, 2009. 303 с.
2. Мустафин В. Русская философия: курс лекций. СПб.: Изд-во С.-Петерб. Духов. Акад., 2025. 644 с.
3. Варава В.В. Сокровенное и обжигающее: лекции по истории русской философии. СПб.: Изд-во РХГА : Солнце Севера, 2025. 274 с.
4. Кара-Мурза А.А. Очерки интеллектуальной истории России. Раннепетровский период. М.: Согласие, 2025. 118 с.
5. Идеи Н.Я. Данилевского и современная философия истории: рецепции, истоки и значение: коллектив. моногр. СПб.: Изд-во РХГА, 2025. 320 с.
6. Тяньюнь Л., Кудрин С.К. А.Д. Градовский против Ф.М. Достоевского. Полемика по поводу «Пушкинской речи». СПб.: РХГА, 2025. 232 с.
7. Copleston F.C. Philosophy in Russia: From Herzen to Lenin and Berdyaev. London: Search Press, 1986. 462 p.
8. Kelly A.M. Toward Another Shore: Russian Thinkers Between Necessity and Chance. New Haven; London: Yale University Press, 1998. 416 p.

9. A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity / ed. by G.M. Hamburg, R.A. Poole. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 498 p.

10. Сюдюков Н.К. Русская философия в 7 сюжетах: «Немота наших лиц». М.: АСТ, 2025. 320 с.

11. Сюдюков Н.К. Здесь был Достоевский: эссе разных лет. М.: Ruinaissance, 2025. 150 с.

12. Bourgeot L. Russia's Philosophy at the WCP: On the Problem of the "Russianness" of Russian Philosophy // Stud. East Eur. Thought. 2025. <https://doi.org/10.1007/s11212-025-09801-2>

References

1. Mamardashvili M.K. *Opyt fizicheskoy metafiziki: (Vil'nyusskie lektsii po sotsial'noy filosofii)* [An Experience of Physical Metaphysics: (Vilnius Lectures on Social Philosophy)]. Moscow, 2009. 303 p.

2. Mustafin V. *Russkaya filosofiya: kurs lektсий* [Russian Philosophy: A Lecture Course]. St. Petersburg, 2025. 644 p.

3. Varava V.V. *Sokrovennoe i obzhigayushchee: lektsii po istorii russkoy filosofii* [The Innermost and the Scorching: Lectures on the History of Russian Philosophy]. St. Petersburg, 2025. 274 p.

4. Kara-Murza A.A. *Ocherki intellektual'noy istorii Rossii. Rannepetrovskiy period* [Essays on the Intellectual History of Russia. The Early Petrine Era]. Moscow, 2025. 118 p.

5. *Idei N.Ya. Danilevskogo i sovremennaya filosofiya istorii: retseptsii, istoki i znachenie* [N.Ya. Danilevsky and the Contemporary Philosophy of History: Receptions, Origins and Significance]. St. Petersburg, 2025. 320 p.

6. Tianyun L., Kudrin S.K. *A.D. Gradovskiy protiv F.M. Dostoevskogo. Polemika po povodu "Pushkinskoy rechi"* [A.D. Gradovsky versus F.M. Dostoevsky. Controversy over the "Pushkin Speech"]. St. Petersburg, 2025. 232 p.

7. Copleston F.C. *Philosophy in Russia: From Herzen to Lenin and Berdyaev*. London, 1986. 462 p.

8. Kelly A.M. *Toward Another Shore: Russian Thinkers Between Necessity and Chance*. New Haven, 1998. 416 p.

9. Hamburg G.M., Poole R.A. (eds.). *A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity*. Cambridge, 2010. 498 p.

10. Syundyukov N.K. *Russkaya filosofiya v 7 syuzhetakh: "Nemota nashikh lits"* [Russian Philosophy in 7 Plots: "The Muteness of Our Faces"]. Moscow, 2025. 320 p.

11. Syundyukov N.K. *Zdes' byl Dostoevskiy: esse raznykh let* [Dostoyevsky Was Here: Essays of Different Years]. Moscow, 2025. 150 p.

12. Bourgeot L. Russia's Philosophy at the WCP: On the Problem of the "Russianness" of Russian Philosophy. *Stud. East Eur. Thought*, 2025. <https://doi.org/10.1007/s11212-025-09801-2>

Информация об авторах

О.К. Шевченко – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (адрес: Россия, 295007, г. Симферополь, просп. Вернадского 4).

А.М. Тимохин – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (адрес: Россия, 295007, г. Симферополь, просп. Вернадского 4).

Information about the authors

Oleg K. Shevchenko, Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Head of the Philosophy Department, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (address: prosp. Vernadskogo 4, Simferopol, 295007, Russia).

Aleksandr M. Timokhin, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Philosophy Department, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (address: prosp. Vernadskogo 4, Simferopol, 295007, Russia).

Поступила в редакцию 20.01.2026

Одобрена после рецензирования 08.02.2026

Принята к публикации 12.02.2026

Submitted 20 January 2026

Approved after reviewing 8 February 2026

Accepted for publication 12 February 2026